

1

Саратов, октябрь 2013 г.

Люба проснулась от звонка будильника. Она ненавидела этот звук, тревожный и вместе с тем какой-то нахальный, заставляющий ее уже с самого раннего утра ненавидеть надвигающийся день. Будильник был старый, еще материн, он много лет будоражил, поднимал семью Соляных, мать и двух ее дочерей, Валю и Любу, заставлял продирааться сквозь дрему, возвращая их из сладких спасительных миров сна в жуткую, наполненную бесконечными заботами реальность.

Надо бы выбросить этот звонок. Вадим уже много раз говорил ей об этом, потому что и он тоже ненавидел этот будильник. Но она почему-то не выбрасывала, у нее рука не поднималась, словно где-то на подсознании она боялась, что не сумеет привыкнуть к другому сигналу электронного будильника того же телефона и что проспит все то важное, пусть и неприятное, через что ей просто необходимо пройти, это надо пережить, стиснув зубы.

Понятное дело, что она хлопнула по крышке будильника, чтобы он заткнулся. Все, свое черное дело он уже сделал, разбудил. Пусть теперь помолчит сутки.

Вадим, муж, время от времени жалуется на нее, что она неласковая, что отказывает ему в любви, особенно в утренние часы, когда он переполнен мужскими силами. Вот и сейчас он, слегка разбуженный будильником, но еще не проснувшийся окончательно, повернулся к ней, крепко обнял, прижал к себе, к своему горячему голому телу, принялся спросонья целовать ее шею, затылок.

А ей не хочется, ей жарко и душно, несмотря на то что в квартире прохладно, еще не начали топить, хотя за окном середина октября. Жарко от Вадима, от его тела, дыхания, от его раскаленных крепких рук.

Возможно, если бы не этот будильник и Люба находилась в полусне, то она и ответила бы на его ласки, но только не сейчас, когда их кровать со всех сторон окружили кредиторы, все те многочисленные люди, которым они задолжали. Они стояли, плотно обступив их постель, как будто бы за прозрачной стеклянной толстой стеной, через которую они пока еще не могли прорваться. Растопыренные пальцы побелевших от давления рук облепили стекло, пытаясь выдавить его, искаженные злостью уродливые лица с поросячьими носами и вматыми в стекло ртами... Вот уж в чем в чем, а в фантазии она нисколько не уступала своей сестричке. Вот только руки у нее выросли не из того места и были предназначены исключительно для грубой работы и уж никак не творческой. Не то что у Валентины...

— Лю... — Вадим продолжал ластиться к жене. — Ну, Лю... Ты же моя любовь!

Спальня, несмотря на все Любины усилия и потраченные деньги, все равно не выглядела уютной. Все вроде бы так, как положено: теплый паркет, голубые бархатные шторы, огромная кровать с резной деревянной спинкой, изящный туалетный столик, белый с розовым и голубым ковер под ногами. Да только спальня все равно какая-то холодная, словно чужая. И все это потому, что деньги на нее они назанимали у друзей, поддавшись настроению, как два идиота, решившие устроить себе красивую жизнь. И устроили. Квартиру купили по ипотеке, набрав липовых справок с несуществующих работ, и уже два года как выплачивают, занимая и перезанимая у кого только можно. И ремонт сделали — закачаешься, одни только натяжные потолки чего стоили! И мебель в гостиную купили, а какую кухню отгрохали! Да вот только пригласить теперь никого домой не могут: стыдно в глаза людям смотреть, вот, мол, глядите, как у нас все красиво и дорого, а это ничего, что мы вам столько задолжали?

Противно. Все противно. И, главное, радости все эти преобразования лично ей, Любе, не принесли. Она пила чай из красивых чашек (не удержалась, купила в антикварном магазине лиможский фарфор, вот дура-то!), и сковородки у нее были из красной меди, и шелковые ковры ласкали ее голые пятки, и ванна была похожа на драгоценный сосуд, наполненный ароматическими маслами, да только ее не покидало чувство, будто бы все это — временно. Словно они сняли роскошный королевский номер в отеле, из которого рано или поздно все равно придется съехать.

... Вадим все же подмял ее под себя, она закрыла глаза и простонала. Но не от наслаждения, а от какого-то неприятного чувства гадливости и неприязни к мужу, которого, как ей казалось, она все еще любила (или уже не любила?). Как надоели ей все эти отношения, эта липкая и жаркая близость, эти звуки, запахи... С каким удовольствием она бы сейчас встала под теплый душ, намылилась душистым мылом и смыла с себя все это...

Надо было ей встать пораньше, выскользнуть из постели и отправиться в кухню варить кофе. Вот там-то он ее уж точно бы не поймал. Стоит ему проснуться, как и он тоже, вероятно вспомнив, какой ему предстоит день (вечные унижительные поиски денег!), быстро остынет, и от внутреннего приятного напряжения не останется и следа. Примется бегать по квартире, мыться-бриться-завтракать-одеваться, после чего с кислой миной выйдет из дома, чтобы вернуться поздним вечером и признаться жене в том, что ничего-то у него не получилось, что кто-то там его обманул, подвел, предал, что все люди — гады и думают только о своей выгоде, к тому же все болтуны, вруны, подлые мошенники.

— Вадим, так жить невозможно... — начала она за столом свою старую песню.

Яичница из трех яиц, свежий огурец, кофе и поджаренный хлеб — все это стояло перед чисто выбритым, свежим после душа Вадимом. Он был в черном махровом халате, как всегда красивый и очень молодо выглядевший в свои тридцать с небольшим.

— Любана, успокойся уже. Как-нибудь выкарабкаемся... У меня сегодня важная встреча с одним миллионером. Представляешь, он просто не знает, куда деть свои деньги. Ну, я пообещал ему подыскать офис в центре города, свести его с нужными людьми, и вообще — помощь во всех его начинаниях.

— Он что, младенец и сам со своими миллионами не в состоянии во всем разобраться? Ему что, нянька нужна? — с видимым недоверием возразила Люба.

Люба, худенькая бледная молодая женщина с густыми черными волосами, туго стянутыми на затылке резинкой, на фоне аппетитно поедающего свой завтрак мужа, пусть даже и в дорогом красном шелковом халатике, выглядела совершенно несчастной, с поджатыми губами и глубокими страдальческими складками, идущими от носа вниз, к подбородку.

— Да как ты не поймешь?! Деньги людям достаются по-разному..

— Что ты такое говоришь? Вот мы, к примеру, постоянно занимаем и перезанимаем! А кто-то их зарабатывает, понимаешь? — Люба запыхтела, как паровоз. Но муж не обиделся.

— Ты сначала послушай меня внимательно. Дело в том, что этот человек, он пока еще не бизнесмен, он никто, так, наследник! Ему просто после смерти брата достались все эти миллионы.

— Так, может, он его и грохнул, этого брата? — ядовито усмехнулась Люба.

— Нет-нет, если бы ты его увидела, то сразу поняла бы, что он — сущий ангел! У него даже голос нежный..

— Может, он гей?

— Ладно, Любаня, я чувствую, что ты снова на взводе. Расслабься и постарайся ни о чем не думать! Скажи, вот что такого страшного может случиться с нами в этой жизни? Нас что, посадят в долговую яму или тюрьму?

— Как что?! Вадя! Я вздрагиваю от любого звонка или стука! Мне кажется, что это все наши кредиторы, наши друзья и знакомые, которым мы должны, звонят в дверь, чтобы наброситься на нас и разорвать в клочья!

— Дурочка ты моя, — Вадим промокнул жирные губы вышитой салфеткой и поцеловал руку жены, ну просто дворянин из дворян. — В том-то и дело, что мы назанимали, как ты выражаешься, деньги не у каких-то там простых людей, которые считают свои копейки, а у людей хоть и богатых, но порядочных, интеллигентных, которые никогда не посмеют вот так запросто требовать свои деньги обратно. Они верят нам, что у нас просто сейчас трудное положение, что мы все-таки купили квартиру..

— Ипотека! — застонала Люба. — Не забывай, ипотека! Мы ее пока что не купили, Вадим!

— Ну и что? Уже два года как-то изворачиваемся! И дальше продолжим в том же духе. Кстати говоря, этот человек, назовем его Лимон, как бы «миллион», ну, чтобы проще было о нем говорить... Так вот, он обещал мне содействие в получении

кредита. Причем немаленького кредита. Мы возьмем денежки, расплатимся со всеми долгами и будем себе потом спокойно жить, выплачивая в час по чайной ложке. Лет на двадцать растянем выплату. Причем на самых выгодных условиях!

— Да с какой стати банк даст нам крупную сумму? Нам нужно как минимум шесть миллионов рублей!

— А мы попросим десять! Пять из них, заметь, я сразу же пушу в производство и ремонт вагонных колес... Но это потом, потом я тебе все расскажу... Это крупный заказ от Министерства железнодорожного транспорта...

— О-о-о... Вадим, очень тебя прошу, хватит уже мне рассказывать сказки про белого бычка и тем более про вагонные колеса! Я не верю ни в один твой проект. Так и знай.

— Ну и напрасно! Что бы ты сейчас ни говорила, как бы ты ни пыталась обидеть меня, я все равно не обижусь. И вообще, Люба моя дорогая, оглянись вокруг! Посмотри, как прекрасно мы живем! Какая у нас чудесная квартира! Да и холодильник всегда набит разными вкусностями...

— Но аппетита у меня нет, так и знай. И по квартире этой я хожу, как...

— ...по гостиничному номеру, это я уже слышал. Говорю тебе: успокойся. Все будет хорошо. Я вот сейчас уйду, ты позавтракай хорошенько, приберись да и иди в город, купи себе что-нибудь...

Люба посмотрела на мужа округлившимися глазами. Она вдруг представила себя со стороны, раздраженную, едва ли не позеленевшую от злости, и ей стало еще более отвратительно.

— Купи себе что-нибудь? — передразнила она Вадима. — Ты что, издеваешься надо мной, что ли? На какие-такие шиши?

— А я тебе сейчас дам... Я у Бориса занял тысячу баксов, он как раз выгодно продал свою машину... Я объяснил ему, что у меня большие неприятности...

— Ты посмел снова занять у Бориса? И тебе не стыдно?

— Совершенно не стыдно. Мы же друзья.

— Не понимаю, как все эти люди еще продолжают дружить с нами, приглашать в гости, я не знаю, на именины, юбилеи... Неужели они на самом деле надеются, что однажды мы сполна расплатимся с ними? Удивительные люди, скажу я тебе...

— Люба, вот ты скажи, ты на самом деле ничего не понимаешь?

— В смысле?

— Ну, ты вот целое утро переживаешь, истеришь, мучаешь себя и меня, считаешь, что мы находимся в безвыходном положении и люди нам дают деньги в надежде, что мы с ними расплатимся?

— Постой... ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что они знают, что мы им ничего не вернем? Вадим, я вообще уже ничего не понимаю... Они что, подарили нам все эти огромные деньги, эти миллионы?

— Люба, хватит уже валять дурака! Думаешь, у меня вообще мозгов нет и я не понимаю, почему все эти люди так липнут к нам, везде приглашают и все нам прощают? Ты что, забыла, как они вообще появились в нашей жизни? Все эти городские снобы, аристократы, вся эта интеллигенция, мать

их? Разве мы с тобой, поженившись, ходили бы на выставки, концерты, в театры? Да мы с тобой все свободное время бы валялись в койке, курили, ели-пили да спали... Это же все Валька твоя сделала! Когда у нее пошли дела, стала приглашать нас на свои выставки, и мы ходили туда из вежливости... Нет, ты, может, и не из вежливости, она же все-таки твоя сестра, а я-то туда ходил исключительно ради тебя, чтобы ты не обиделась. Ведь я стал членом вашей семьи. Я же до того, как познакомился с тобой, с Валею, вообще не обращал внимания ни на картины, ни на какие-то там скульптуры... Ну, стоят в городе какие-то памятники, фигуры каменные или мраморные, я не знаю, металлические... Вообще их не видел! А сейчас я знаю о наших городских скульптурах практически все! Но не потому, что я стал таким уж заядлым искусствоведам...

Люба слушала его, нахмурившись, в ожидании, что сейчас-то он скажет все то главное, нехорошее, злое, от чего ей наверняка станет еще хуже, тяжелее. Сейчас разорвется бомба, и сбежать она уже не успеет, он все равно настроен высказать ей все то, чего она не хочет слышать и знать.

— Вадим, пожалуйста, не надо... — прошептала она, глотая слезы. — Прошу тебя...

Она так не хотела разочаровываться в нем снова. Ей так нравилась роль жены успешного, неглупого и развитого, увлекающегося искусством интеллигентного мужчины, что она готова была даже заткнуть уши руками, лишь бы не слышать всей той гадкой правды, которую она и так без него знает.

— Твоей Валентине на днях переведут пятьсот тысяч евро за скульптуры в Зальцбурге...

— Вадим!!!

— А это, моя дорогая, больше двадцати миллионов рублей! Об этом писали все газеты, это ни для кого не тайна. Вот и подумай, давали бы нам все наши так называемые друзья деньги в долг, если бы не понимали, что все эти долги будут погашены твоей сестрой?! А она непременно нам поможет, я уверен в этом! Просто она пока не знает о том, что мы в долгах по уши. И я не виноват, что ты ей еще ничего не сказала. Ты дура, Люба. Ну, скажи, зачем ей так много денег? Она же как бы не замужем...

— Вадим, прекрати! Ты же прекрасно знаешь, что она живет с Альбертом и они счастливы!

— Пригрелся старый плешивый еврей у нее на груди, как змея. Любит он ее, как же! И ты веришь? Где же он был, когда у нее не было денег, когда она болела, когда была в долгах? Любовь! Да он просто все просчитал, упырь! Знал, что она все еще любит его, вернее, продолжает его любить, вот и воспользовался ситуацией. Хорошо, что твоя сестра еще не потеряла голову настолько, чтобы связать себя с ним браком. Вот тогда-то он ее точно облапошит, ваш Альбертик... Старый, страшный мужик, с глазами навывкате, с лысиной и огромным шнобелем... Не понимаю я вас, баб!

— Вадим, пожалуйста, прекрати, мы сейчас поругаемся...

— Ладно, Люба, я так тебе скажу, — лицо Вадима стало вдруг серьезным, а глаза и вовсе потухли. — Конечно, дела наши зашли далеко, и день-

ги отдавать нужно. Хотя бы пару миллионов надо срочно погасить. И если ты не попросишь денег у сестры, мы пропали. Боря Самсонов продал машину, но не просто так, а потому, что ему приглянулся дом и он собирается его покупать. Конечно, деньги у него есть, но не все. Дом трехэтажный, дорогой, стоит на самом берегу Волги, с огромным садом, бассейном, баней и гаражами... Короче, он намекнул мне вчера, что ему нужны эти два миллиона, что мы ему должны.

— Постой, какие еще два миллиона? Мы же всего должны два... всем нашим знакомым, плюс ипотека...

— Нет, моя дорогая. Просто я не хотел тебя расстраивать. Всего мы должны три с половиной миллиона. Но это так, для справки. Люба, ты должна встретиться со своей сестрой, и не просто так с ней кофе пить, а серьезно поговорить. Придумай что-нибудь, скажи, что мы должны и что, если мы не расплатимся, нас вообще закатают в асфальт... Она у тебя девочка добрая, поможет..

— Три с половиной миллиона?! Вадим, но откуда такие деньги? Мы же с тобой все записывали, все долги, расходы...

— Я еще взял машину в кредит.

— Что-о-о?!

— Не мог удержаться... Представляешь, она выглядит как золотая, «Ауди», такая красавица...

— Да ты просто с ума сошел!

— Люба, ты успокойся и выслушай меня. Я скажу тебе сейчас очень простую вещь, которую ты должна себе уяснить. Вот ты считаешь меня без-

дельником, неудачником и все такое. Что меня все обманывают, предают, подставляют... Но скажи, в чем это проявляется? Мы что, сидим голодные? Или живем в бараке? Или у нас нет денег на врачей? У нас есть все! Мы полностью защищены. Мало ли чего я рассказываю людям, пусть они верят, что меня действительно кто-то там надул, воспользовался моим доверием, да пусть даже думают, что я просто дурак, мне-то что?! Я вообще не гордый! Я практичный, понимаешь? Важно, что все наше окружение считает меня славным малым, веселым человеком, который вносит в компанию нотку легкомысленности, делает вечеринку веселой и заставляет всех поверить в то, что жизнь, в сущности, прекрасна! Каждый человек должен научиться пользоваться собой как инструментом, чтобы добиваться поставленной цели. Меня люди любят просто так, понимаешь? Пусть смеются за спиной, пусть считают меня глуповатым, пусть! Пускай даже жалеют, я не против, в конечном счете жалость иногда смахивает на любовь! Я для этих наших местных тузов, мнящих себя сливками общества, очень хороший фон, понимаешь?

Люба слушала его, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

— Какой фон, Вадик, о чем ты?

— Да на моем фоне они чувствуют себя по-настоящему благополучными, понимаешь? А-а-а!... — Он вдруг отмахнулся от нее, словно заведомо зная, что она его все равно не поймет. — Ладно, объясню, как ребенку. Моя работа заключается в том, чтобы расположить общество к себе и выкачать из

него деньги, а твоя — в том, чтобы убедить твою сестричку покрыть все наши долги. И тогда мы с тобой будем в шоколаде!

— И ты... И ты думаешь, что это все реально? И что Валя действительно даст нам все эти миллионы?

— Уверен! Причем ей это будет даже приятно!

— Но почему?

— Да потому, что она у тебя идеалистка, понимаешь? Она в душе, быть может, будет тебе даже благодарна за то, что ты позволишь ей помочь тебе.

— Я не понимаю...

— Она тебя спасет и благодаря этому почувствует себя настоящей героиней. Этот поступок делает ее еще более благородной в собственных глазах. К тому же это еще больше сблизит вас. Поверь мне, я разбираюсь в психологии людей. Да, вот еще что! Когда она увидит благодарность в твоих глазах, то наверняка испытает невероятный творческий подъем... Так часто бывает. Ведь ее жизнь тогда наполнится смыслом...

— Вадик, поверь мне, это простой набор фраз... Ты можешь обманывать кого угодно, да только не меня, — заплакала Люба. — Она будет презирать меня и тебя, нас. И если даже даст денег, то чтобы только отделаться от меня... Я не смогу, не смогу...

— Ну и дура.

— А других способов не существует?

— Существует, — он приблизил свое лицо к ее лицу и заглянул в ее опухшие и мокрые от слез глаза. — Убей ее, и тогда ты, ее единственная наследница, получишь все.

2

Саратов, декабрь 2013 г.

Глафира поставила чашку кофе перед господином в черном меховом пальто. Немец, подумала она, внимательно разглядывая его бледное, словно напудренное лицо с благородными чертами: черные крупные глаза, крючковатый нос, полные темные губы. Он произнес всего несколько слов, с сильнейшим акцентом, так мог говорить человек практически любой европейской национальности, но Глафира почему-то сразу решила, что он именно немец.

— Елизаветы Сергеевны сейчас нет, она появится через полчаса, у нее суд, — весело солгала Глафира. Лиза вышла из своей адвокатской конторы еще три часа тому назад, чтобы, не торопясь и получая удовольствие от процесса, пройтись по магазинам и купить подарки к Рождеству своим близким и друзьям. Глафира сама отправила ее, убедив не тянуть долго с этим важным делом, пока в их работе образовалась небольшая пауза.

«Глаша, а вдруг я уйду и к нам придет какой-нибудь интересный клиент?» — недоверчиво спросила Лиза, тем не менее набрасывая на плечи шубку. Она была в прекрасном расположении духа, выглядела очень счастливой, веселой. И неудивительно, ведь из долгой командировки возвратился ее муж, Дмитрий, и ее вынужденному одиночеству, наполненному работой и заботами о маленькой дочке, настал конец. Теперь Дима будет дома, они вместе встретят католическое Рождество, потом Новый

год, затем еще одно Рождество, и будет им тихое семейное счастье...

Однако как она прочувствовала, что накануне Рождества к ним заглянет новый клиент?!

— Мне кажется, я где-то вас уже видела, — сказала Глафира, устраивая рядом с чашкой с кофе блюдце с печеньем. На этот раз она сказала чистую правду. Ей действительно показалось, что она где-то уже видела это лицо, и оно ассоциировалось у нее почему-то с церковью и земляничным мороженым. — Вы случайно не священник?

— Я — органист, — не изменяя своему великолепному акценту, произнес каким-то обреченным тоном мужчина. — Меня зовут Густав Валенштайм.

Ну конечно! Густав Валенштайм — известный органист, музыкант, афиши которого были расклеены по всему городу, в особенности же много их было в районе городской консерватории, на тумбе, расположенной как раз напротив кафе-мороженого «Баскин Роббинс», где Глафира так любила бывать и где всегда заказывала земляничное мороженое!

— Я вспомнила, кто вы! Знаю, что Лиза была на вашем концерте в консерватории в прошлом году! И что, сейчас вы тоже у нас в городе на гастролях?

— Да, но... К вам я пришел, к сожалению, совершенно по другому и очень печальному поводу.

— Что-нибудь случилось?

Густав Валенштайм вздохнул. Уставившись в одну точку, он некоторое время сидел молча, вероятно о чем-то крепко задумавшись, поскольку вид у него был грустно-созерцательный, какой бывает

у человека, вспомнившего одновременно что-то светлое и трагичное, после чего еще глубже, тяжелее вздохнул, и глаза его при этом увлажнились!

— Я расскажу все Елизавете Травиной, — мягко, словно стараясь не обидеть Глафиру, произнес он.

И как раз в эту минуту распахнулась дверь, и в приемной появилась раскрасневшаяся, с веселыми глазами Лиза. В руках у нее были пакеты, сумки, коробки. Снег сверкал на ее светлых распущенных волосах, выбивавшихся из-под норкового серебристого берета. Белая шубка была распахнута, под ней виднелись черные брюки и розовый свитер.

Увидев сидящего в кресле Валенштайма, Лиза остановилась, пристально взглядываясь в его лицо, пытаясь вспомнить, где она могла видеть его раньше.

Уложив весь свой рождественский цветной багаж в угол приемной, она стремительно подошла к посетителю и в порыве чувств протянула ему руки, как если бы была с ним знакома.

— Вы — Валенштайм, я угадала? — Лицо ее засияло. — Боже, как же я рада вас видеть! Не пытайтесь даже вспомнить меня, мы с вами не знакомы! Но я была в прошлом году на двух ваших концертах! Я в восторге от вашей игры. Знаете, я так долго была под впечатлением Бранденбургского концерта! А еще я ужасно рада, что в нашем городе есть орган и что время от времени можно просто пойти в консерваторию и как бы абстрагироваться от всего того, чем ты живешь каждый день, от суеты и всей этой свистопляски, которую мы называем жизнью... Уф... Извините, что-то я заговорилась...

Глафира за спиной Валенштайма делала ей знаки, что, мол, тсс, потише, поспокойнее, потом закатила глаза кверху, пытаясь остудить взволнованную рождественским шопингом Лизу. Но та, поняв ее знаки по-своему, радостно сказала подруге:

— Господин Валенштайм прекрасно говорит на русском, это правда, он перед концертом сам рассказывал залу о Бахе и видении его творчества...

— Я предполагаю, что у нашего дорогого гостя проблема, — не выдержала наконец Глафира, поднялась со своего места и помогла Лизе снять шубу. — Я разберу твои покупки, унесу отсюда, а ты, — она перешла на шепот, — выслушай его.

Лиза, приведя себя в порядок и немного успокоившись, села за свой огромный, заваленный папками и книгами стол и приготовилась выслушать Валенштайма.

— Вы извините... Просто, когда увидела вас, глазам своим не поверила!

— Мне очень приятно, что меня здесь узнают, — слабая улыбка осветила бледное мужественное лицо музыканта. — Но, как я уже сказал вашей коллеге, я в вашем городе по весьма печальному поводу. Дело в том, что в октябре этого года здесь, в вашем городе, вернее за городом, была убита одна прекрасная женщина. А уже в ноябре был обвинен и посажен в тюрьму ее муж. Признаюсь, с мужем, правда неофициальным, я не был хорошо знаком, могу лишь предположить, что он замечательный человек, который, конечно же, не мог убить свою жену. Я бы приехал гораздо раньше, еще в октябре,

на похороны, но у меня были гастроли в Америке, так что я все равно бы не успел... Да и не смог бы, сами понимаете, контракты и все такое.

— В октябре? — Лиза поморщила лоб, пытаясь вспомнить о каком-нибудь громком убийстве. — Как звали эту женщину?

— Валентина. Не думаю, что об этом убийстве писали газеты. Вот если бы убили депутата или какого-нибудь чиновника, тогда другое дело, а Валя... Валя была ангелом. Об ангелах не пишут в газетах. Но о них помнят...

И Валенштайм на некоторое время замолчал, пытаясь справиться со своими чувствами.

— Я начну с самого начала. Несколько лет тому назад я приезжал в ваш город на гастроли. Была осень, но очень теплая, располагающая к длительным прогулкам. Поскольку мои концерты проходили в вечерние часы, утром я был предоставлен сам себе, это было мое время. И я прогуливался по вашему городу, особенно мне понравился большой городской парк. Но по-настоящему я был восхищен маленьким парком, детским. Нет, конечно, парк запущен, да и животные неухоженные... фонтан не работает, повсюду мусор... И все же руководство вашего города, я так понял, решило обратить внимание на этот парк, и власти кое-что предприняли... Вы не подумайте, я пришел к вам не для того, чтобы рассказывать о плачевном состоянии парка. Напротив, на одной из аллей я увидел настоящее чудо! Бронзовые фигурки животных! Не знаю, понимаете ли вы, о чем я говорю...

— Я сто лет не была в детском парке, — призналась Лиза.

— А я все двести! — сказала Глафира.

— А вы сходите и посмотрите. Поверьте мне, вы будете поражены не меньше моего! Эта прекрасная аллея с чудесными зверушками! Я даже сначала подумал, что это работа какого-то опытного мастера-скульптора. Словом, я заинтересовался автором этих скульптур и, к своему удивлению, выяснил, что им является выпускница художественного училища, Валентина Соляных. Ну, просто девочка. Я решил с ней встретиться, познакомиться.

Лиза с Глафирой переглянулись.

— Что, неужели эти работы вас так потрясли? — спросила Лиза.

— Просто надо знать меня, мою страсть к паркам, к городской скульптуре... Сам я живу в пригороде Дрездена, в Морицбурге. У меня большой дом на самой окраине, и мне удалось выкупить кусок земли для сада. У меня работало много человек, чтобы эту заросшую травой и кустарником землю превратить в красивый сад. Я давно подумывал о том, чтобы украсить его скульптурами животных, а тут — ваш парк! Вот я и предложил Валентине работу. Предложил переехать ко мне и заняться скульптурами. Конечно, она была удивлена, подумала, что я вообще сумасшедший!

— Она была студенткой, извините?

— О нет, тогда — нет, но когда она была студенткой, выиграла конкурс, и город поручил ей украсить детский парк, это было за год до нашей

с ней встречи. Я и раньше бывал в вашем городе, да только понятия не имел о существовании детского парка. Словом, когда мы с ней встретились, она была, что называется, свободным художником, выполняла мелкие заказы, то есть не являлась очень занятым человеком. К тому же она была не замужем. Снимала квартиру, жила очень бедно. И это при ее-то таланте! Она показала мне свои эскизы, многочисленные мелкие работы, пожаловалась, что у нее нет условий заниматься камнем, мрамором, металлом... И я сделал ей предложение, как я уже сказал, переехать ко мне в Морицбург, поселиться у меня и работать. Я еще тогда придумал, как переоборудовать садовый домик под мастерскую, какие сделать пристройки. Я увлекся этой идеей! Но не так-то просто было оформить все бумаги для ее переезда...

— Так она согласилась? — воскликнула Глафира.

— Да, разумеется. Я показал ей выложенные в Интернет снимки моего дома, сада, чтобы она имела представление, кто я, где живу... Чтобы она поверила мне. Кроме того, конечно же, сыграло роль и то, что я все-таки музыкант, которого знает весь мир, вы уж извините... Она должна была поверить мне, понимаете? К счастью, все сложилось самым наилучшим образом, и Валентина приехала ко мне. И прожила у меня целых три года! Вы не представляете себе, как много она успела за это время. Какие скульптуры сейчас украшают мой сад, а сколько их в Дрездене, на улицах! Валентина была чрезвычайно талантливым человеком!

Глафира, слушая Валенштайма, покрылась мурашками. Ведь это ее, получается, убили, раз он говорит о ней в прошедшем времени. И как это город проморгал такой талантище?! Кто посмел ее убить?!

— За эти три года ее жизнь изменилась. Она вышла замуж за моего брата, Фридриха, не менее талантливого человека, архитектора. Он был совсем молодой, когда... Словом, два года тому назад он погиб в катастрофе, и тогда Валя, тяжело переживавшая его смерть, решила вернуться на родину, сменить обстановку. Уж чего я ей только не предлагал, как ни убеждал ее остаться у нас, но только не возвращаться в Россию, тем более что она стала наследницей огромного дома Фридриха... Но она меня не слушала. Мы с ней были друзья, раньше она прислушивалась к моему мнению, ценила его, а тут уперлась — нет, и все! Я сказал ей, ладно, возвращайся, но знай, что я тебя тут буду ждать. И я на самом деле верил, что спустя какое-то время ей снова захочется вернуться в Морицбург. Тем более что она успела полюбить этот город. Вы не представляете, как там красиво! А такие люди, как Валя, умеют ценить красоту.

Понятное дело, что она вернулась в Россию богатой молодой женщиной. Она купила себе квартиру, еще одну мастерскую и продолжала работать. Я ей помогал с заказами, правда, клиентами ее были в основном москвичи, мои друзья-музыканты и их друзья, родственники. Она отливала для них скульптуры, которыми они потом украшали, правда, не свои сады, а жилища... Кроме этого, она де-

лала бюсты известных людей, сами понимаете, это тоже работа... Я понимал, что время залечит ее душевные раны и в ее жизни непременно появится мужчина. И он появился. Алик. Я так понял, что это ее первая любовь.

— Алик?

— Альберт Гинер. Бизнесмен, он торгует испанской мебелью в России, живет в вашем городе. Валя знакомила нас, когда я приезжал сюда с гастролями. Очень приятный человек. Мягкий, добрый, обожает... любил Валю.

Органист вздохнул.

— Двенадцатого октября Валентина с Альбертом отправились на озеро, на пикник. Было холодно, как я понимаю, все-таки октябрь, осень. Вода холодная... И вот в какой-то момент она исчезла из поля зрения Алика. А потом ее нашли в воде, в камышах, уже мертвую. Одетую, понимаете? На шее обнаружили следы чьих-то рук. Ее удушили, а потом утопили. В убийстве обвинили Алика. Ведь это его следы были на берегу, в грязи...

Я пришел к вам, Елизавета Сергеевна, чтобы вы помогли освободить Алика. Я уверен, что он ни в чем не виноват. Думаю, что после смерти Вали он находился в таком состоянии, что ему было уже все равно, что с ним будет дальше. Не исключаю, что он подписал все документы, в смысле признался в убийстве, потому что был не в себе. Возможно даже, что он сам захотел в тюрьму... Точных сведений у меня нет. Я еще ни у кого не был, я приехал сюда, встретился с профессором консерватории Шишкиным, это пианист, мы с ним друзья...

— Я знаю Шишкина, я защищала его сына, — сказала Лиза. — Он попал в одну нехорошую историю, но там, слава богу, все обошлось...

— Это он дал мне вашу визитку и сказал, что только вы можете мне помочь восстановить справедливость и найти настоящего убийцу Валентины. Я готов заплатить любые деньги, только соглашайтесь.

— Хорошо, господин Валенштайм... — пробормотала потрясенная историей Лиза. — Глаша, подготовь, пожалуйста, договор...

3

Декабрь 2013 г.

— Ты одна?

— Одна, заходи. — Наташа впустила Ольгу и заперла дверь. — Мой ушел на работу, все проспал, даже не позавтракал... Как хорошо, что ты пришла, сейчас вместе поедим, выпьем кофейку, покурим, пока Саши нет...

Наташа Дорофеева, двадцатипятилетняя молодая женщина, кареглазая шатенка с длинными, по пояс, волосами, была в желтых пижамных штанах и черном свитере. Полчаса тому назад ей позвонила ее близкая подруга, Оля Селиверстова, сказала, что хочет встретиться.

Оля, кудрявая блондинка, сняла с себя синий длинный плащ и осталась в джинсах и теплой кофте розового цвета.

— Ух ты, как классно, что ты одна... Знаешь, так захотелось с тобой встретиться, поговорить... До сих пор не могу привыкнуть к тому, что ты замужем, хотя вы уже давно вместе... Да и что муж у тебя — именно Саша. Для меня лично он, конечно, не Саша, а Александр Николаевич, мой преподаватель английского. Но ты ведь его жена, понятное дело, что в постели ты не можешь называть его по имени-отчеству.

— Какая красивая у тебя кофточка, — Наташа пропустила эти слова мимо ушей. Она давно уже привыкла к Оле, для которой такие понятия, как такт и деликатность, просто не существовали. Немного глуповатая, бесцеремонная, грубоватая. Но что-то в ней было, что притягивало к ней людей, которые были готовы ей многое простить. Может, ее прямота? Обостренное чувство справедливости?

— Сама вязала, честное слово. Вот никогда не вязала, разве что в детстве, а тут зашла как-то в магазин, там цены сама знаешь какие, ну а сделано все просто элементарно... Мохер, крупная вязка... Думаю, я что, сама, что ли, не сумею так связать? Ну и за неделю связала. Получилось точь-в-точь как в магазине. Сэкономила целых три тысячи рублей!

— Проходи, садись...

Наташа пригласила подругу в кухню, усадила за большой овальный, с прозрачной стеклянной столешницей стол.

— Какая у тебя все же красота! Все такое беленькое, чистенькое...

— Да, как в больнице, — покачала головой На-

таша. — Ты же знаешь, Саша сам занимался ремонтом и дизайном квартиры, я же тогда в больницу с почками загремела... Он хотел сделать для меня сюрприз, но этим стилем просто убил меня. Я же люблю теплые тона, цветочки-растения, яркие ткани, обои... А здесь все как в больнице.

— Ты сказала ему об этом?

— Что ты! Зачем его расстраивать? Иногда нужно и промолчать. Я же знаю, как он старался, как много денег потратил. Нет-нет, пусть уж все остается так, как есть. Главное, что моя спальня хотя бы в моем вкусе — цветочки-розочки, деревянная резная кровать, покрывала в кружевах... Ты будешь чай или кофе?

— Кофе, если можно.

— Все можно, дорогая моя подружка! — Наташа приобняла ее. — Так рада, что ты пришла. Правда, целыми днями одна дома. Надо бы уже искать работу, да Саша не хочет, говорит, что мне с моими почками лучше сидеть дома, заниматься собой и больше отдыхать. Я бы пошла куда-нибудь прогуляться, да на улице метели, снег...

— А я доехала до тебя быстро, дороги, слава богу, расчистили... И мороза не заметила, в машине-то тепло.

— Значит, отремонтировали твою лошадку?

— Да, вчера забрала из сервиса. Так плохо без машины, к хорошему быстро привыкаешь.

— Это точно. Оля, вот, смотри, можно сделать тосты и намазать их маслом, а если хочешь — блинчики, вот только что испекла несколько штук Саше на завтрак, а он, видишь, убежал, не стал есть...

— Блинчики — это хорошо.

— У меня и варенье есть клубничное, Елена Ивановна, моя свекровь, варила.

— Ну, давай! В гостях-то все вкуснее.

Оля достала сигарету и машинально закурила, забыв предложить подруге.

— Послушай, ты как спишь, спокойно? — спросила она, наблюдая, как Наташа накрывает на стол.

— Ну, да, а что? — Наташа выронила из пальцев чайную ложку.

— А меня кошмары замучили. Сначала до меня словно не доходило все то, что произошло тогда на озере, ведь это меня не касалось. А вот сейчас, когда прошло... раз, два... почти два с половиной месяца, меня эта жуткая картина просто преследует. Мне снится эта девушка под водой в камышах. А еще мне постоянно кажется, что я ее уже где-то видела. Вроде не актриса, ничего особенного, но лицо выразительное... понимаю, что несу полный бред, ведь мы же видели ее только мельком, когда прибежали на крик этого мужика, ее мужа... Я только помню жуткую грязь на берегу, прямо у воды, камыши и под водой, неглубоко, ее лицо, белое, с темными бровями.

— Да у нее лицо было вообще голубое или даже зеленое, — вздохнула, вспоминая события недавнего прошлого, Наташа. — Захлебнулась.

— Захлебнулась, — усмехнулась Ольга, затягиваясь сигаретой. — Ты что, на самом деле полагаешь, что она оступилась, и это на совершенно пологом берегу?..

— Поскользнулась, — пожалала плечами Наташа. — А как же иначе?

— Эх, подруга, ничего-то ты не знаешь! Ее муж утопил.

— Как это — утопил?

— Ручками, ручками... Вот так взял ее за горло, — Ольга продемонстрировала на себе, сдавив свободной рукой горло, — и удушил... Сначала заманил, мол, иди, дорогая, помой посуду или что-то там, и когда та склонилась над водой, подтолкнул ее, и когда она упала, схватил за горло и давил, давил, пока она не захлебнулась, пока вода в легкие не набралась. А потом спокойненько себе пришел к нам, сделал большие страшные глаза, мол, ребята, вы тут развлекаетесь, пикник себе устроили, а у меня жена пропала. Не видели? Мы, как идиоты, весь берег обшарили, а она лежит себе в кустах, под водой...

— Откуда тебе все это известно?

— Да все наши знают, кроме тебя. Может, тебе и раньше бы сказали, да только ты в больнице долго лежала, да и зачем вообще было тебе говорить? Ты же ее все равно не знала.

— И что муж?

— Посадили его, вот что. Вроде как следы его на берегу...

— Да мы же все там понатоптали. Даже наши с тобой следы там. Уж мои — точно. Я так близко подходила, чтобы на нее посмотреть. Вот странно люди устроены. Вроде все смерти боимся, а почему тогда так интересно посмотреть на покойника?

— Послушай, у меня от твоих слов сейчас аппетит пропадет.

— Ладно, давай уже о чем-нибудь другом поговорим. Хотя ты же сама первая начала. Сказала, что тебя кошмары мучают.

— Да, это правда. И сегодня тоже приснилась эта девушка. Как ее звали?

— Валентина. Помнишь, этот ее муж все бегал по берегу и звал ее: «Валя, Валентина!» И ты говоришь, что его посадили. Что-то не верится мне...

— Если честно, то и мне тоже. Вот смотри. Если бы он действительно хотел ее убить, то зачем бы выбрал место рядом с нами? Мог бы устроить пикник своей женошке в безлюдном, глухом месте. А так мы рядом, орем, смеемся... Помнишь, как через костер прыгали?

— Да дураки! Я вам еще тогда рассказала историю, как один парень вот так тоже через костер прыгал, а на нем был комбинезон рабочий, промасленный, пробензиновый весь, он и вспыхнул. Восемьдесят процентов ожогов. Я его видела, когда соседку в ожоговом центре навещала. Это просто жуть, скажу я тебе, этот ожоговый центр. А этот парень лежал на какой-то специальной сетке. Я ему, помнится, минералку приносила и котлетами покормила. У него, у бедолаги, вместо тела — мясо, руки все обгорели, красные, без кожи...

— Нет, Наташа, я не буду, пожалуй, блинчики...

— Ладно, извини... Что-то вспомнилось. Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Расскажи, как ты поживаешь? Что нового? Как Андрей?

— Да он в командировку уехал, на целый месяц, в Ригу, какое-то оборудование налаживать. Скучно без него, хожу по квартире, так тихо... Знаю, что

никто-то мне не позвонит... Правда, он в скайп выходит иногда вечерами. Вижу его в гостинице, сидит весь такой уставший, сонный...

— А как Розка, Тамарка? У них все нормально? Давно ни с кем не виделась, не разговаривала.

— Да вроде бы ничего.

— Знаешь, если весной и соберемся нашей компанией на пикник, то давайте уже поедем в какое-нибудь другое место.

— Неужели! Конечно! Да никто из наших уже никогда в жизни не поедет на это озеро.

— Мы вот дачу к весне достроим, она прямо на берегу Волги, и будем там проводить все выходные, думаю, вам всем там понравится. Да там просто не может не понравиться! Волга, лес, тишина... Дача трехэтажная, все поместимся. А какой там подвал, какие стеллажи, забью их консервами...

— Может, и поместились бы, — перебила ее с усмешкой Оля, — да не уверена, что Саша будет в восторге от твоей идеи. Ему же, кроме тебя, никто не нужен. Он все-таки мужчина в годах, ему необходимы тишина и покой.

— Брось, Оль, ты прекрасно знаешь, что он чувствует себя да и выглядит намного моложе своих лет, он бодрый, веселый и всегда окружен молодежью. Я уже говорила с ним, ну, про шашлыки, дачу и все такое, про вас, и он сказал, что будет только рад, если в нашем большом доме будут гости. И вообще он очень легкий на подъем, компанейский и в принципе душка, ты же знаешь!

— Ну, ладно, уговорила, — улыбнулась Оля, — давайте уже поскорее достраивайте свою дачу.

— Ну, что, успокоилась немного? Я имею в виду твои ночные страхи, кошмары...

— Да вроде того. Но, знаешь, мне все равно не верится, что это тот мужик, ну, муж, убил ее... Я вот отлично помню его лицо, глаза... Мне кажется, так сыграть просто невозможно. Но, с другой стороны, кроме него и нас, на берегу никого не было... Ужасная история!

4

Декабрь 2013 г.

Делом Валенштайма занялись незамедлительно. Лиза поручила Глафире собрать как можно больше информации об убитой скульпторше, сама же направила все свои усилия, чтобы получить разрешение на свидание с заключенным Альбертом Гинером, гражданским мужем погибшей Валентины Соляных.

— С кого начнешь? — спросила Лиза перед тем, как они обе рано утром покинули приемную. — С кого или с чего? План в голове есть?

— План есть. Тем более кое-что мне уже удалось о ней выяснить, я перед сном побродила в Интернете, — сказала Глаша, допивая кофе. — Сразу скажу — информации маловато, в основном фотографии ее работ, репортажи с выставок. Когда вбиваешь ее имя на английском, сразу же появляется материал о ее работах в Дрездене, Морицбурге, ее короткие, но очень умные интервью, которые она давала, живя в Германии. Ну и, конечно, ее фото.

Знаешь, она была совсем юной и очень красивой девушкой. Белая кожа, натуральные рыжие волосы, карие глаза. Очень солнечный и добрый человек, эта Валентина Соляных.

— Прямо не терпится поговорить с этим Гинером. И где был этот Валенштайм раньше, может, мы бы помогли Гинеру избежать тюрьмы. Ее мог утопить кто-то другой, находящийся там же, на берегу озера. Я звонила Сереже Мирошкину, он слышал об этом деле, да и вообще многие считали, что слишком уж быстро все было сделано-сшито-перешито и закрыто. Все говорят о том, что там же, рядом с местом, где отыхали Гинер с Валентиной, развлекалась пьяная компания, но следователю почему-то и в голову не пришло заняться возможной причастностью кого-то из этих людей к убийству. Выбили показания из находящегося в подавленном состоянии Гинера и на этом успокоились. Посадили.

— Вот-вот. Думаю, что и тебе первое, что пришло в голову в связи с этим делом, это место преступления. Да если бы этот Гинер запланировал убийство, то уж постарался бы, во всяком случае, чтобы вокруг не было свидетелей.

— Ладно, Глаша, всякое бывает. Вот встречусь с этим Гинером, поговорю с ним, попытаюсь понять, что он за человек, тогда уже и будем размышлять на тему: он или не он. А ты постарайся собрать как можно больше сведений о самой Валентине. Сама знаешь, как действовать.

— Ты спрашивала меня, есть ли у меня план? Так вот. Собираюсь навеститься в ее мастерскую.

Потом поговорю с соседями, встречу с ее сестрой, найду друзей...

— Сестра — это не менее интересно, чем Гинер, — заметила Лиза, повязывая вокруг шеи красный шарф. На ней была короткая меховая куртка и длинная красная в черную клетку шерстяная юбка. — Гинер не был ее официальным мужем, он был, говоря дубовым языком, ее сожителем, а потому ничего не выигрывал от ее смерти, в материальном плане. А вот сестра... Короче, действуй, Глашенька. Поехали.

Они вышли на заснеженное крыльцо, Глафира тщательно заперла двери их адвокатской конторы, Лиза направилась к своему любимому «Крайслеру», которого называла не иначе как «Хидклиф», Глафира села в скромный «Фольксваген».

Конечно, размышляла Глафира, встреча с Гинером в плане информации будет, несомненно, более плодотворной. Все-таки он был практически мужем Соляных. С другой стороны, разговор с человеком, которого обвинили в убийстве жены, который, по сути, сам признал свою вину, раз отказался от адвоката и не сопротивлялся судьбе, может быть очень сложным. Ведь понять Гинера не так уж и просто. А значит, трудно будет докопаться до правды.

С адресом Валентины Соляных, равно как и с информацией о ее сестре, Глаше помог Сергей Мирошкин, следователь прокуратуры, с которым Лиза и Глафира работали зачастую вместе, параллельно, и были друзьями. Сейчас, правда, он не был связан

с делом Гинера, что также было неплохо, он хотя бы не будет вмешиваться в ход расследования.

Сергей сказал (а ему, вероятно, подсказал следователь, который вел дело Гинера и с которым Глафире еще наверняка предстоит познакомиться), что мастерская Соляных находится на одном этаже с ее квартирой, в самом центре города, позади цирка, в старом квартале, отданном богеме. Здесь, в густонаселенном месте, застроенном старыми двух- и трехэтажными домами, селились в основном профессиональные художники, скульпторы, актеры, артисты цирка. Здесь же доживали свой век одинокие балерины и артисты оперы и оперетты. Единственный дом серого камня, выглядевший более-менее крепким и свежоотреставрированным, и был домом под номером двадцать, в котором должна была находиться мастерская Валентины Соляных.

В лучах холодного декабрьского солнца кружево инея на окнах сияло нежно-розовым. Словно внутри дома горела огромная розовая лампа.

Невысокое парадное крыльцо было мраморным, вычурным. Глафира припарковала машину рядом со ступенями, вышла, поднялась и позвонила в дверь.

Дверь тоже была новая, массивная, темного полированного дерева с золоченой ручкой.

Рассчитывать на то, что в доме кто-то есть, почти не приходилось. Вряд ли наследница Соляных, ее сестра, живет здесь, в этом довольно-таки специфическом и шумном по вечерам месте. Наверняка ночами богема веселится тут до утра, смешивая

кровь с вином, а чувства с кровью. Эмоциональные, обреченные на одиночество и непонимание люди зачастую распускали руки, прокладывая себе дорогу к истине таким вот грубым образом. Хотя, скорее всего, это все же происходило тогда, когда в их ангельскую, отмеченную печатью божественного таланта братию вторгался инородец, чужак, решивший поживиться за счет простого, душевно-го люда, напиться за его счет. Отсюда — поножовщина, страшные драки...

Глафира все еще стояла на крыльце, задумавшись о людях, причислявших себя к особой касте, именуемой звучным и таинственным словом «богема», пытаясь примерить их образ жизни на себя и понять, какими же талантами наделена она сама, как вдруг за дверью послышались отчетливо шаги.

Сестра? Кто? Ведь она приехала сюда безо всякой надежды встретить хотя бы кого-то из окружения Соляных.

— Кто там? — услышала она высокий нежный голос и поежилась от холода, как если бы услышала голос потерявшегося и запертого на сто замков призрака самой Валентины Соляных.

— Меня зовут Глафира Кифер, я пришла по поводу аренды мастерской... — сказала она, чтобы внести хотя бы что-то человеческое, живое в общий призрачный фон этого холодного зимнего утра.

— Сейчас...

Послышался лязг отпираемых замков и засовов, звон цепей, словно кто-то собирался выпустить на волю огромного зверя.

Дверь наконец распахнулась, и Глафира почувствовала, как колени ее слабеют и она готова рухнуть прямо на твердые мраморные ступени крыльца! Перед ней стояла, если верить интернетовским снимкам, сама Валентина Соляных! Хрупкая, нежная девушка с белым лицом покойницы, карими большими глазами и копной густых ярко-рыжих волос.

«Может, я переместилась во времени и попала как раз в то временное пространство, когда она была еще жива?» — подумала Глаша, чувствуя, как реально закружилась у нее голова.

— Вы... Валентина?

Она спросила так, на всякий случай, как если бы, к примеру, ничего не знала о ее смерти. Сама же с жадностью разглядывала девушку. Серое длинное теплое платье с большим декольте, пестрая узорчатая красная шаль обнимает плечи, на ногах — меховые тапочки. Сквозь золото волос просвечивают крупные коралловые тяжелые серьги.

— Валентина? — Тонкие темные брови девушки приподнялись в страдальческом изломе. — Вы что, не знаете? Ее же нет... Она умерла.

— Вы извините меня... Вообще-то я помощник адвоката, Глафира Кифер. Я обманула вас, чтобы вы просто открыли мне дверь. Но когда я увидела вас, то чуть с ума не сошла, признаюсь честно. Вы — ну просто точная копия самой Валентины. Вероятно, вы ее родная сестра... Да???

— Проходите, — опустил глаза и посторонившись, чтобы пропустить Глафиру внутрь квартиры, сказала девушка и еще плотнее запахнула на груди шаль. — Не надо на пороге...

Глафира оказалась в темном коридоре, но потом вспыхнул свет, и она увидела большой пустой холл с плиточным черно-белым полом и белыми стенами, увешанными картинами странного, фантазийного плана. Несколько дверей вели в неизвестность. И кто эта девушка?

— Идите за мной, я дома одна, — как бы успокаивая, проговорила она, то и дело оглядываясь, словно приглашая Глашу следовать за ней. Открыв последнюю дверь, девушка в сером платье пропустила вперед себя Глашу.

Они оказались на просторной кухне, которую можно было бы назвать даже скорее студией из-за больших размеров, огромных диванов, разделяющих пространство на рабочую секцию с традиционной плитой, шкафчиками и нормальным кухонным столом и зону отдыха.

Повсюду было чисто, уютно, помещение украшало огромное количество больших, смелых в своей сочетаемости букетов из сухих цветов, трав, колючек, декоративных тыкв, физалиса, лунника... Прозрачные серые занавески падали с высоких окон и складками лежали на плиточном же кремовом полу.

— Это квартира Валентины или мастерская?

— Мастерская. Квартира этажом выше, она поменьше, Валя там просто спала.

— Так вы ее сестра?

— Да никакая я не сестра! — воскликнула девушка, машинально наливая воду в электрический чайник и включая его. — Как меня вообще можно было принять за ее сестру?

— Но вы похожи... — растерялась Глафира.

— Да ничего мы не похожи! У нас все разное с Валей, и форма головы, и носа, и ушей, и губ... Единственное, что мне удалось повторить, так это цветовая гамма. Да и с кожей мне повезло, такая же белая и тонкая, как была у нее... Не смотрите на меня так. Да, мне просто очень хочется быть похожей на нее. Я любила ее, понимаете?

У Глафиры округлились глаза.

— Нет-нет, — поспешила ее успокоить странная девушка. — Я не в том плане, о котором вы подумали. Ладно, давайте уже все объясню. Меня зовут Арина. Я домработница Вали. Правда, Любка называет меня полемойкой, но я уже привыкла.

— Хорошо, я понимаю, вы — домработница. Но Вали ведь нет в живых, а вы — здесь.

— Она оставила мне мастерскую по завещанию. Мастерскую и квартиру. Ну и все то, что находилось здесь. Просто из дружбы, понимаете? Странно, да? Такая молодая и вдруг — завещание. Но вы не удивляйтесь. Она не собиралась умирать. И ничем не болела. Все это — влияние ее проживания в Германии. Вы же в курсе, она была там замужем, но быстро овдовела. Так вот, думаю, что это там ей внушили мысль, что она должна распорядиться своим имуществом незамедлительно. Там не дураки живут, они понимали, насколько дорого будет стоить все то, что она сделала своими руками, все эти скульптуры, статуэтки разные, фигурки...

— Вы хотите сказать, что она все оставила вам? — От удивления Глафира не знала, что и подумать.

— Нет-нет, что вы! В мастерской находится очень мало ее работ, а основной ее фонд — в Германии, в Морицбурге, где осталась целая коллекция в доме Валенштайма, если вам, конечно, о чем-нибудь говорит это имя. Думаю, что Валя собиралась вернуться в Германию, да только не могла решиться, все тянула с отъездом, ну, из-за Фридриха, из-за воспоминаний... К тому же у нее оставались там незаконченные заказы. Я знаю, что у нее не завершена работа над детской каруселью для одного частного парка в Дрездене. Знаю, что она работала над несколькими бронзовыми животными для какой-то частной коллекции... Ох, по-моему, я вас запутала окончательно. Давайте спокойно посидим, поговорим. Вы сказали, что являетесь помощником адвоката. Что за адвокат? Кого защищает?

— Арина, давайте-ка лучше я буду задавать вам вопросы. Для начала, если вас это не затруднит, покажите мне, пожалуйста, ваш паспорт.

— Хорошо, сейчас принесу, — как-то очень спокойно отреагировала на эту довольно-таки грубую просьбу Арина. Вернулась через минуту, положила на стол паспорт в новенькой блестящей обложке. — Моя фамилия Тарабрина. Звучит ужасно, это так. Да и имечко подкачало. Не знаю, чем руководствовались мои родители, когда называли меня так. Может, им вспомнилась няня Пушкина, Арина Родионовна?

Глаша, изучив паспорт, поняла, что Арине двадцать пять лет, что она не замужем и у нее пока еще нет детей. Во всяком случае, ее паспорт был девст-

венно чист. Ничего, кроме адресной регистрации, причем она официально проживала именно здесь, на улице Яблочкова, в этом самом доме, в этой самой мастерской! И давно!

— Я поняла ваш немой вопрос. Да, Валя поселила меня сюда давно, как только купила эту мастерскую. Она подобрала меня на улице, меня бросил мой парень, и мне было ну очень плохо... Я как раз возвращалась пешком, после аборта, идти мне было некуда, потому что мы с парнем снимали квартиру, ну а к нему я вернуться уже не могла... Родители мои живут в Оренбурге, они уехали туда, когда умерла бабушка и оставила им там большой дом. Ну а я пыталась учиться здесь в университете, но ничего не вышло, я влюбилась, а остальное я вам уже рассказала. Так вот, это было приблизительно пять лет тому назад, когда она подобрала меня на улице. Как котенка. Было холодно, шел дождь. Я сидела на остановке и рыдала. Мне казалось тогда, что жизнь моя кончена. Признаюсь, я хотела даже броситься под машину. И знаете, что меня тогда сдерживало? Мысль, что у водителя машины, под колеса которой я брошусь, будут неприятности, может быть, его даже посадят. Да и вообще... Я представила себе, как все это будет не эстетично... — она закатила глаза, явно увлекшись перечислением своих несчастий.

— Арина! Я помощница Елизаветы Травиной, адвоката, которого Густав Валенштайм нанял для того, чтобы найти настоящего убийцу Валентины, а вы мне тут рассказываете о своих проблемах!

— А вы не понимаете? — Арина перестала жеманничать и кривляться и вдруг стала очень серьезной. — Да я же рассказываю вам, при каких обстоятельствах я познакомилась с Вале́й, исключительно для того, чтобы вы поняли, каким она была человеком! Она подобрала меня, привела сюда, к себе, и оставила. Так я стала ее помощницей, домработницей, служанкой, горничной, секретарем, близкой подругой, называйте как хотите!

— То есть вы хотите сказать, что были для Вали самым близким человеком?

— Думаю, что да. Во всяком случае, до тех пор, пока она не сошлась с Аликом.

— Алик — это у нас кто?

— Альберт Гинер. Это ее первая любовь. Хороший человек, между прочим, и очень ее любил.

— Расскажите мне все по порядку. Вот вы стали работать у нее. Она тогда с кем жила?

— Сначала одна, потом уехала в Германию...

— А вы? Она взяла вас с собой?

— Нет, не взяла. Она попросила меня присматривать за мастерской. У нее там, в Германии, и без меня было много помощников. К тому же там она влюбилась во Фридриха. Мы переписывались с ней по Интернету, она показывала мне снимки своего мужа. Очень симпатичный молодой человек. И на всех фотографиях Валя выглядит такой счастливой... Потом Фридрих погиб, он разбился в автокатастрофе. И Валя вернулась сюда. Вы себе не представляете, как я ее ждала! И как я обрадовалась, когда она вернулась.

— Теперь про сестру. Кто она такая? Как ее зовут?

— Ее зовут Люба. Любана. Сука редкая... Ой, извините, вырвалось. Пока Валя была в Германии, она все вокруг мастерской да квартиры круги наворачивала, все хотела подселить сюда ко мне квартирантов, а то и продать. Она говорила мне, что Валя не вернется, что ей и в Германии хорошо.

— Почему она сука?

— Да потому, что злая, алчная баба. Набрала долгов под один Валин немецкий заказ. Квартиру себе отремонтировала, муженек ее машину себе купил навороченную... Короче, им все знакомые давали денег, зная, что у Вали есть средства и что деньги им рано или поздно вернут...

— И что?

— Да вот как раз накануне того ужасного случая на озере все и произошло... Уж не знаю, встречались ли Валя с Любаней или нет, разговаривали ли про деньги, просила ли Люба у Вали ей помочь, но сразу после смерти Вали Люба благополучно расплатилась с долгами.

— А что это за деньги? Где они находились?

— Деньги Вале перевели, я так думаю, где-то в сентябре, но мы и не знали. У нее и без того было много денег. Так вот. Когда она жила в Германии, ей поручили какие-то необыкновенные карусели в Зальцбурге, ну, знаете, лошадки, тигрята... Бронзовые, очень красивые фигурки... Материалом ее тогда обеспечивал один приятель Валенштайма, Михаэль Бонке, очень деловой человек. Он в свое время занимался и оборудованием для ее мастерской там, в Морицбурге. Он был у Вали вроде агента. Словом, она выполнила эту работу, а с оплатой

они там тянули с полгода, и вот все это время Люба благополучно влезала в долги...

— А Валя об этом знала?

— Я говорила ей, она лишь пожимала плечами, отвечала, что денег будет много, что всем хватит. И что я несправедлива к Любе. Что она ее родная сестра, близкий человек и что она не виновата в том, что вышла замуж за урода, который диктует ей, как жить.

— Это она, значит, так называла ее мужа? Уродом?

— Да. Вадик тот еще прощелыга, аппетит не детский, а глазками так заморгает, мол, что случилось? Откуда долги? Сам хапает...

— Деньги хранились дома? Какая сумма?

— Смотря какие деньги вы имеете в виду. У нас всегда в сейфе хранились наличные, да, много, но я не знаю, сколько именно. Время от времени Валентина заказывала в банке какие-то суммы на текущие расходы. Но в основном ее деньги хранились все-таки в банке и на картах. У нее было несколько банковских карт...

— А тот гонорар, за карусели? Какая сумма ожидалась?

— Деньги большие. Без вычета налогов, грязными — примерно пятьсот тысяч евро... Причем об этом пронюхали журналисты, которые писали репортажи о Вале. Поэтому это не было секретом...

— Полмиллиона? Это так высоко ценили Валены работы?

— Да она была гением, а вы что думали? Иначе откуда весь этот сыр-бор, эти поездки в Герма-

нию, заказы, выставки, реклама?! Да на ней можно было делать просто огромные деньги. У нее руки были золотыми. Глина ли, металл ли, дерево — все становилось живым, когда она его касалась... Ее пальчики, с виду такие хрупкие, на самом деле были чудовищно сильными, решительными, что ли... У меня голова кружилась от удовольствия, когда я смотрела, как она работает. Она словно видела сквозь глину, дерево, металл... Она точно знала, что хочет делать...

— И все-таки деньги... Вы сказали, что после ее смерти Люба расплатилась с долгами. Откуда вам известно, что деньги все-таки перевели на ее счет?

— Следователь потом сказал... Еще добавил, что двести пятьдесят тысяч евро Валя за день до своей смерти распределила между своими картами, думаю, одну или две, с крупными суммами, она дала как раз сестре. Или же та сама у нее взяла, там, на озере... Может, она знала ее пароль...

— Что? На озере? Разве она там была?

— Только ей была выгодна смерть Вали. Вот правда. Теперь все Валины работы, находящиеся на складе в Морицбурге, принадлежат Любе. И, будьте уверены, ей помогут их продать за хорошую цену. Тот же Бонке и поможет.

— Пойдите...

— Да нет, это вы пойдите, — лицо Арины внезапно осветила улыбка, и сквозь эту улыбку, сквозь зрачки Арины, откуда-то изнутри, из темноты, на Глафиру вдруг взглянула исчезнувшая с лица земли гениальная скульпторша Валя Соляных. — Что это мы с вами сидим перед пустыми чашками? Давай-

те-ка я еще чаю согрею, у меня в буфете есть печенье, джем...

— Подождите, Арина! Вы на самом деле полагаете, что Валентину могла утопить собственная сестра?

— Любка-то? Могла. Она безвольная, бесхарактерная баба. Влюблена по уши в своего муженька. А тот из нее веревки вьет. Может, они оба были там, на озере. Во всяком случае, они отлично знали это место, ну там, на берегу.. Валя много лет ездила на то озеро... Воды боялась, не плавала, но дышала воздухом, думала, рисовала, загорала... Подозреваю, что с этим озером у нее были связаны определенные воспоминания... Альберт — я думаю, это он впервые привез ее туда, еще тогда, давно, в их другой жизни...

— Вы сказали, что Альберт был ее первой любовью. Что это за история?

— Обыкновенная история. Валя была простой девочкой, бедной, несчастной, влюбилась в мужчину старше себя, который ее не замечал. Ничего то у них тогда не вышло. Он женился на другой, а Валя погрузилась в творчество. Потом она стала известным человеком, богатой женщиной, к тому же очень интересной внешне, просто красавицей, а у Альберта личная жизнь не сложилась, жена его бросила и ушла к другому.. Они встретились, у Вали, которая едва успела прийти в себя после смерти Фридриха, вспыхнуло когда-то угасшее чувство к Алику, вот и вся история.

— Почему следователь решил, что Валью убил Альберт?

— Это вы у него спросите. Дурак потому что этот следователь. Непорядочный человек.